

«АНДЖЕЛО»:
ПУШКИНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ТРАДИЦИОННОГО СЮЖЕТА

«Талант неволен, — замечал Пушкин, — и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения...»¹ В рукописи статьи несколько ниже следовало: «Так Брюллов, усыпляя нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобоострастием списывал Афинскую школу Рафаеля. А между тем в голове его уже шаталась уже поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице, чудно освещенный волканом» (XII, 372).

Нельзя сомневаться, что здесь Пушкиным выражены собственные творческие принципы. Его «подражания» всегда вели к новым откровениям.

С этой точки зрения полезно оценить пушкинское своеобразие сюжетной коллизии в поэме «Анджело», обозначенной в автографе как «Повесть, взятая из шекспировской трагедии „Mesure for mesure“». Ю. Д. Левин отметил, что Пушкин в данном случае мог использовать книгу английского романтика Чарльза Лэма «Рассказы из Шекспира» (Ch. Lamb. Tales from Shakespeare. Designed for the young persons. 5th ed. London, 1831), имевшуюся в библиотеке поэта.²

Различные вариации данного сюжета прослежены в статье С. Д. Черкасского: «Первым из сохранившихся документальных свидетельств указанного события следует признать частное письмо, отправленное из Вены в 1547 г. венгерским студентом Иосифом Макариусом, который в подробностях рассказывал о проступке некоего не названного по имени испанского вельможи, наместника небольшого городка близ Милана во времена Фердинанда Гонзаго. Суть истории такова. Молодой человек заключен в тюрьму за убийство, произошедшее во время вспыхнувшей ссоры. Его жена обращается к наместнику с просьбой о помиловании, предлагая

¹ Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 82. Произведения Пушкина цитируются по Большому академическому изданию 1937—1949 гг. с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой) в тексте статьи.

² Левин Ю. Д. Об источниках поэмы Пушкина «Анджело» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1968. Т. 27, вып. 3. С. 255—258.

любую цену за спасение любимого мужа. Наместник, испанский граф, тронутый не столько мольбами просительницы, сколько ее красотой, предлагает освободить приговоренного мужа в обмен на ночь любви. Несчастливая женщина, посоветовавшись с родственниками своими и мужа, соглашается на постыдную сделку, но наутро узнает, что муж ее обезглавлен. Превозмогая стыд, жена, теперь вдова, обращается за справедливостью к правителю провинции, который, не имея прецедентов, оказался в сложном положении: в один клубок сплелись два преступления — женщина была обесчещена, а слово наместника нарушено: заключенный казнен. Приговор был таков: во-первых, несправедливый наместник для восстановления чести просительницы был обвенчан с нею, а во-вторых, за совершение государственного слова и казнь заключенного он был, в свою очередь, обезглавлен».³

История эта послужила материалом для нескольких произведений различных авторов. В новелле Джиральди Чинтио (1565) героиня, Эпития, представлена сестрой (а не женой) заключенного, который был осужден не за убийство, а за любовную связь, не освященную браком. В «черной комедии» Шекспира «Мера за меру» вводятся дополнительные мотивы: Герцог в его пьесе передает на время бразды правления Анджело, чтобы испытать его слишком уж показную праведность, и, переодевшись монахом, отслеживает все действия наместника. На ночное свидание с Анджело по воле Герцога отправлена не просительница Изабелла, а некогда отвергнутая правителем его невеста Марианна. Таковы и очертания сюжета, изложенного Чарльзом Лэмом, сохраненные Пушкиным с одним малозначительным на первый взгляд изменением: Марианна представлена как покинутая правителем (из-за неосновательных слухов о ее неверности) жена.

Поэма у Пушкина получила персональное наименование по имени главного героя, но, вчитываясь в ее текст, мы замечаем усилившуюся феминизацию традиционной сюжетной коллизии. Для Пушкина в этом нет ничего необычного: вспомним сюжетно активных Черкешенку, Зарему, Земфиру, Наталью Павловну. Героиней трех драматургических фрагментов поэмы «Анджело» (а в поэмах Пушкина такие фрагменты наиболее концепционны!) выступает именно Изабелла. В двух из них показано столкновение ее с Анджело, в третьем — с братом, Клавдио. Каждая из этих сцен ставит перед героиней проблему сохранения девичьей чести, для нее являющейся незыблемым нравственным императивом. Но оказывается, что подспудно в этих диалогах понятие чести приобретает рас-

³ *Черкасский С. Д.* Два гения — один сюжет: (Драма Шекспира «Мера за меру» и поэма Пушкина «Анджело») // Пушкин и его современники. СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 82—83.

ширенное значение. Первая беседа с наместником о необходимости милосердия заканчивается страстной мольбой послушницы:

...Великими дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но *честны* и добры,
И будешь ими ты делиться с небесами:
Я одарю тебя молитвами души.
Пред утренней зарей, в полуночной тиши,
Молитвами любви, смирения и мира,
Молитвами святых угодных небу дев,
В уединении умерших уж для мира,
Живых для господа...

(V, 113; курсив здесь и далее наш. — С. Ф.)

Вторая беседа подытожена так:

А н д ж е л о

Люби меня — и жив он будет.

И з а б е л а

Знаю: властный
Испытывать других, ты хочешь...

А н д ж е л о

Нет, клянусь,
От слова моего теперь не отопрусь;
Клянуся *честию*...

И з а б е л а

О много, много *чести*!
И дело *честное*!.. Обманщик! Демон лести!
Сейчас мне Клавдио свободу подпиши,
Или поступок твой и черноту души
Я всюду разглашу — и полно лицемерить
Тебе перед людьми.

А н д ж е л о

И кто же станет верить?
По строгости моей известен свету я;
Молва всеобщая, мой сан, вся жизнь моя
И самый приговор над братней головою
Представят твой донос преступной клеветою...

(V, 118—119)⁴

⁴ Отметим здесь сходство с кульминацией сцены у фонтана в «Борисе Годунове».

Наконец, в беседе с осужденным братом происходит последнее испытание чести Изабеллы, ею также без колебаний преодоленное:

К л а в д и о

Друг ты мой! Сестра! позволь мне жить.
Уж если будет грех спасти от смерти брата,
Природа извинит.

И з а б е л а

Что смеешь говорить?
Трус! тварь бездушная! от сестрина разврата
Себе ты жизни ждешь!.. Кровосмеситель! нет...

(V, 123)

И здесь следует возвратиться к отмеченной детали, введенной Пушкиным во изменение традиционного сюжета.

Весь властный сыр-бор в произведении Шекспира разгорелся из-за попытки путем реанимации старого, уже давно переставшего действовать закона о прелюбодеянии пресечь разгул разврата в государстве. Необходимость такого строгого решения в комедии акцентирована множеством бытовых сцен, демонстрирующих глубину царящего в обществе разврата. Очистив сюжет от пересказа столь грязных подробностей, Ч. Лэм высветил проблему юридическую и нравственную: сохранить стабильность общества может только власть в лице строгих представителей, ни в коем случае не преступающих те законы, по которым они судят своих подданных. Впрочем, у верховной власти всегда остается право милосердия, к которому она может прибегать в особо сложных случаях.

Юридически шекспировский Анджело должен быть осужден на смерть не потому, что он нарушил данное Изабелле слово (нам ничего не известно о том, как должен был в Вене по закону наказываться несправедный судья), а за то, что он (в результате интриги Герцога) в *той же* степени нарушил *тот же* закон, что и Клавдио: вступил в интимные отношения с *невестой* до заключения законного брака.

В поэме Пушкина юридический казус оказывается совершенно иным. Закон о прелюбодеянии Анджело фактически не нарушает (он провел ночь не с посторонней женщиной, даже не с невестой, а с женой). Да, он имел преступное намерение. Но намерение не может быть по строгим юридическим нормам приравнено по степени наказания к реальному преступлению.

Поэтому в поэме Пушкина признание Анджело в том, что он заслуживает казни, и готовность Дюка предать его смерти по букве закона противоправны.

Не надо думать, однако, что Пушкин, в силу изменения сюжетной коллизии, выхолащивает проблему устоев государственной власти, сводит развитую Шекспиром сложную интригу к анекдоту. Проблема государственной власти поставлена и решена в поэме Пушкина едва ли не более принципиально. Дело не в нарушении того или иного закона. Властные полномочия — это особое, элитарное право, и оно может быть доверено только людям чести. Пушкинский же Анджело, почти невинный перед юридическим законом, законы чести безусловно нарушил.

Заключительная фраза пушкинской поэмы: «И Дук его простил», — создает впечатление, что смысл ее коллизии сводится к проповеди милосердия. Но в заключительном монологе Изабеллы (а именно ей в поэме дано выражать авторские взгляды) снова звучит тема чести:

«Помилуй, государь, — сказала. — За меня
Не осуждай его. Он (сколько мне известно,
И как я думаю) жил праведно и *честно*,
Покамест на меня очей не устремил.
Прости же ты его».

(V, 129)

В своих заметках о дворянстве, относящихся к 1830-м гг., Пушкин размышлял: «Что такое дворянство? Потомственное сословие народа, высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы {...} Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить — или задушить. Нужны ли они в народе так же, как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde (охрана) трудолюбивого класса, которому некогда развивать эти качества» (XII, 205).

«Высшее дворянство не потомственное (фактически). Следовательно, оно пожизненное; деспотизм окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость.

Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией, или вернее — с низким и дряблым деспотизмом» (XII, 205; подл. по-фр.).

Эта принципиальная для Пушкина в 1830-х гг. проблема наиболее отчетливо и была развита в поэме «Анджело». «Наши критики, — заметил он, — не обратили внимания на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал».⁵

⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 195.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПЕРЕВОД
И
СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУР

(Памяти Ю. Д. Левина)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2010